

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

У примадонны было кольцо
из холодных сапфиров,
способное исполнять
мечты...

Колье примадонны

Наталья Николаевна Александрова

Колье примадонны

Серия «Артефакт & Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73950462

Наталья Николаевна Александрова «Колье примадонны»: ООО
«Издательство «Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-247401-9

Аннотация

Милка считает себя «профессиональной неудачницей». После трагической гибели матери и отца она оказывается на улице. В странной съемной квартире, Людмила обнаруживает за обоями потайную дверь в «тещину комнату». Там, в пыли и темноте, стоит пугающий манекен в дешевом платье, на шее которого сияет великолепное ожерелье с крупными голубыми камнями.

Случайная находка втягивает героиню в опасную игру, потому что колье – не просто бижутерия, а легендарное сокровище примадонны Алины Жирардо, блиставшей на сцене более ста лет назад и бесследно исчезнувшей. За этим украшением охотятся не только коллекционеры и ювелиры, но и те, кто готов пойти на убийство ради обладания «проклятым» сапфировым ожерельем. Сможет ли «неvezучая» Люда обмануть судьбу, найти настоящие сокровища и, наконец, обрести свой дом?

Наталья Александрова

Колье примадонны

Дизайн обложки С. Курбатова.

© Александрова Н. Н., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Я проснулась от тревожного, назойливого, жалобного звука, резко села в кровати.

В комнате было удивительно светло, хотя на улице стояла глубокая ночь.

Занавески на окне были раздернуты, и в него заглядывала полная луна. Комнату заливал ее яркий, таинственный, волшебный свет.

Огромный желтоватый диск заглядывал в окно, как морщинистое лицо злого, властного старика. Его пристальный, немигающий взгляд мучил меня.

Я встала, прошлепала босиком к окну, чтобы задернуть занавески.

И тут снова раздался тот самый звук, который разбудил меня.

Жалобный, молящий, зовущий.

Плач ребенка?

Да, где-то плакал ребенок.

Какой ребенок? Откуда здесь ребенок?

Здесь не может быть никаких детей.

Я тряхнула головой, чтобы сбросить остаток сна, пошла обратно к кровати.

И снова услышала этот жалкий, жалобный плач.

Я прислушалась и направилась туда, откуда доносился этот назойливый, невыносимый звук.

И остановилась перед стеной. Стена была оклеена обоями с жуткими лилиями. В обманчивом лунном свете эти лилии казались то ли пурпурными, то ли лиловыми. На стене на уровне моих глаз висела фотография в тонкой металлической рамке. На фотографии была красивая женщина в вечернем платье.

Именно оттуда, из этой стены, снова донесся безутешный плач.

Я сорвала фотографию со стены, бросила ее на пол.

Под фотографией обои были порваны.

Ну ясно – фотографию для того и повесили, чтобы закрыть эту дырку.

Вдруг обои вокруг дыры зашевелились, снова раздался жуткий жалобный плач.

Дыра расширилась, и из нее показались два круглых зеленых глаза.

Два зеленых кошачьих глаза.

Значит, это был не детский плач, а кошачье мяуканье.

Я охнула и попятилась.

Из дыры в стене снова донесся тот же жуткий и жалобный звук.

Нет, все-таки это не мяуканье, а плач... женский плач.

Вглядевшись в дыру, я увидела, что то, что я приняла за кошачью морду, на глазах превратилось в лицо. В женское лицо с загадочными зелеными глазами и карминными губами, сложенными в робкую и умоляющую улыбку.

Я вскрикнула...

И на этот раз действительно проснулась.

Как и во сне, комната была залита лунным светом. Он казался густым и обволакивающим, как озерная вода. Но, в отличие от сна, в комнате было тихо. Тихо, как и должно быть глубокой ночью.

В первый момент я не могла понять, где нахожусь, что это за комната, как я сюда попала.

Но потом вспомнила – и подумала, что лучше об этом забыть.

Лучше заснуть, раствориться в беспомыслии.

Но разве можно заснуть при этом назойливом, безжалостном, пристальном свете?

Как и во сне, я спустила ноги с кровати – но на этот раз нашарила ногами тапки, встала.

Хотела подойти к окну, чтобы задернуть занавески...

Но невольно вспомнила свой сон и обернулась.

Как и во сне, на стене напротив кровати висела фотография.

Правда, сейчас оттуда, где я стояла, трудно было разглядеть эту фотографию – лунный свет только казался ярким, на самом деле он до неузнаваемости искажал все предметы.

Почему-то мне не пришло в голову включить свет – или это показалось мне недопустимой вольностью, преступлением против волшебной власти лунной ночи.

Вместо этого, как и во сне, я подошла к стене и протянула руку к фотографии, чтобы поднести ее к глазам и рассмотреть.

Но едва я дотронулась до нее, злополучная фотография сорвалась с гвоздя и упала.

Под ней, как и во сне, обои были порваны.

На этот раз я не удержалась, потянула за бумажный лоскут.

Он легко оторвался, и под ним... под ним я увидела дверь.

Я прикоснулась к этой двери, провела по ней рукой и почти сразу нащупала задвижку.

Эта дверь... ее очень давно не открывали.

И снова я не удержалась, отодвинула задвижку и слегка надавила на дверь.

Дверь открылась, словно она только и ждала моего прикосновения.

В открывшийся проем тут же хлынул лунный свет.

И в этом свете я... я увидела женское лицо.

Я едва сдержала крик, попятилась...

Только этого мне не хватало!

У меня мелькнула спасительная мысль, что я все еще сплю, что все это мне снится и я вот-вот проснусь дома.

Но тут же я вспомнила, что никакого дома у меня нет. Никакого дома, кроме этой странной квартиры.

Как я оказалась здесь?

Я отошла в сторону от двери, села на продавленный диван, который в ответ на мой легкий вес так скрипнул, как будто на него опустился бегемот, и задумалась.

Хотя совершенно не хотела этого делать, потому что знала заранее, что мысли мои будут весьма печальны.

Был такой старый французский фильм, мама часто его вспоминала. Назывался он «Невезучие».

Вот там показывали двоих таких людей, которые все время попадают в разные смешные и нелепые ситуации. То есть это зрителям смешно, а героям – не очень.

Герою падал на голову цветочный горшок, или стеклянная дверь вдруг переставала открываться автоматически и он расшибал об нее голову, или же резиновая лодка давала течь именно в тот момент, когда героиня собиралась переплыть в ней реку.

В общем, вспоминала мама этот фильм исключительно потому, что я такая же невезучая, как его герои. Не поду-

майте плохого: с детства все у меня было на месте. Имелись две руки, две ноги, голова, которая даже что-то соображала, в лице и фигуре никаких особенных недостатков не наблюдалось.

Просто мне катастрофически не везло.

Еще в младенчестве, рассказывала мама, от коляски отвалилось колесо, как раз когда мы переходили дорогу.

Если зимой сосулька падала с крыши, то обязательно в тот момент, когда мы с мамой стояли на крыльце детского садика.

Позже, если отваливался у меня каблук от нового сапога, то обязательно в тот момент, когда я стояла на подножке троллейбуса. То есть троллейбус ехал дальше, а каблук оставался на дороге.

Только меня Митька Шанежкин зацепил рыболовным крючком, когда мы всем классом ходили в поход. Митька хотел поймать рыбу, а поймал меня за ухо. Больно было очень.

И, наконец, только меня угораздило влететь в огромное зеркало, когда мы с тем же Митькой отплясывали на выпускном вечере танго. И ведь перед тем долго тренировались в зале, но организаторы зачем-то передвинули зеркало.

Про прищемленные пальцы, растянутые конечности и испорченные волосы, потому что парикмахерша забыла вовремя смыть краску, я уж не говорю.

– Ну что делать, такая уж уродилась... – говорили маме.

Хотя на самом деле мало кто обсуждал меня с мамой. Не

потому, что она немедленно пресекала такие разговоры, а потому что просто некому было.

Жили мы вдвоем с мамой в маленькой однокомнатной квартире, отца я не помню. И первый раз задала я маме вопрос, где папа, когда пошла в детский сад. Мама долго думала, кусая губы, потом посмотрела мне в глаза и сказала твердо, что папы у меня нету. Ну так получилось.

Я потому так хорошо это помню, что меня поразило тогда мамино лицо. Оно было совсем чужое, незнакомое, я никогда раньше маму такой не видела.

Она тогда посмотрела на меня, заметила мое смятение, обняла и сказала, что этот вопрос мы закроем, нам и вдвоем хорошо.

Ну и ладно, нам и правда вдвоем было хорошо, так что про отца я больше не спрашивала. Однако со временем в голове моей стали возникать и другие вопросы.

Дело в том, что у нас с мамой не было никаких родственников. Вот просто от слова «совсем». Не было у меня бабушек-дедушек, не было тетей и дядей, соответственно, двоюродных братьев и сестер тоже не было. Троюродных тоже.

– Так не бывает, – сказала Машка Гризодубова, когда во втором классе нам велели рассказать про свою семью.

У самой Машки была куча родни, их у родителей было пятеро. Да и каждый родитель тоже был из большой семьи, поэтому родных у нее было немерено. Но... Учительница просила рассказать о семье, и Машка принялась перечислять:

Олька, Дашка, Сережка...

Минут через пять Митька Шанежкин прервал ее:

– Ты бы лучше телефонную книгу читала, там хоть фамилии есть, все-таки интереснее.

– Зачем фамилии? – удивилась Машка, она, как мы выяснили со временем, была туповата. – У нас у всех одна фамилия.

Митька поднял глаза к потолку и сказал, что его семья состоит из четырех человек: он, мама, папа и собака Менди, это сокращение от Медианы.

Щенок был породистый, и нужно было обязательно назвать его на букву «М».

– Ну и имечко! – фыркнула Машка. – Лучше, что ли, придумать не могли?

– Я хотел Машей назвать, – серьезно ответил Митька, – мама не разрешила, у нее начальница Мария Ивановна. Такая злобная, сидит в кабинете и лает, как собака из будки.

Тут, наконец, до кое-кого из детей что-то дошло, и полкласса рассмеялись. Машка ничего не поняла.

Учительница кусала губы, чтобы не расхохотаться и не уронить свой педагогический авторитет, затем посмотрела на часы и сказала, что продолжим потом. Меня про семью она больше не спрашивала, но я сама задумалась.

Почему у нас с мамой никого нету? Ну ладно, я допускаю, что у мамы тоже не было отца, но ведь мать-то у нее должна быть? Или она круглая сирота?

Что-то мне подсказало тогда, что не стоит задавать маме эти вопросы. В свое время я здорово испугалась ее чужого, помертвевшего лица.

Не было никакой соседки рядом, которая знала бы маму с детства и просветила меня. В этот дом мы переехали, когда мне было полтора года, а с соседями мама не то чтобы не дружила, но не общалась близко. То есть она всегда была с ними вежлива и меня к этому приучила, но не бегала по соседкам за солью и не звонила в дверь в праздник с пирогами. И к нам никто не звонил.

И подруг у мамы не было, то есть были знакомые, сослуживцы, но никогда не торчали у нас дома развеселые, не слишком молодые уже девицы, которые выпивали на кухне и жаловались, что их бросил очередной хахаль.

Не подумайте, что я в детстве была такая умная, это все я осознала потом, когда сидела в тоске, вспоминая нашу жизнь с мамой. То есть когда мамы уже не стало.

Я перевела дыхание, чтобы удержать спазм. Как подумаю, что мамы нет – так горло сжимает стальная рука. И дышать невозможно.

«Это спазм, – говорила доктор, – лучше бы плакала, рыдала, головой о стенку билась, тогда бы и полегчало».

Плакать не получалось. Но я научилась контролировать спазм.

Сейчас я встала и прошлась по комнате, затем осторожно

приблизилась к той самой только что обнаруженной двери в стене. От движения стальная рука, сжимавшая мое горло, немного ослабела, и теперь можно сделать вдох, потом выдох, потом еще вдох...

Не думать, не думать о маме... сейчас у меня более насущные проблемы.

Я стою перед полуоткрытой дверью, за которой... за которой... за которой...

Мне очень трудно было даже мысленно произнести это ужасное слово: труп.

Но ежу понятно, что там, за этой злополучной дверью, может быть только труп.

Так, только этого мне не хватало! Вот спасибо Таньке-пьянице, устроила мне такую подлянку. За что только?

За то, тут же поняла я, что я такая невезучая. Так что Танька не виновата, это судьба у меня такая. Карма.

Первым моим побуждением было сейчас же сбежать из этой квартиры, оставив все как есть. Переночевать на вокзале, в аэропорту, да хоть в аду на раскаленной сковородке, только не оставаться здесь.

Но потом я поняла, что ни к чему хорошему это не приведет. Во-первых, ночевать на вокзале – это чревато. Опасно, в конце концов. Там такие личности ошиваются – мигом ограбят, разденут, последние вещи и деньги отберут, хорошо, если не прирежут. Впрочем, денег у меня и так нету.

Вот именно, куда я пойду, если нет у меня ничего, кро-

ме вон того чемодана на колесиках, заполненного только носильными вещами – эта сволочь Раиса и половины не отдала.

Тогда, может быть, закрыть дверь, заклеить дыру в обоях и продолжать жить, как будто ничего не случилось?

Но тут же я отчетливо представила, как буду днем и ночью (особенно ночью) пристально смотреть на эту стену и думать о том, что за ней спрятано.

Да я глаз сомкнуть не смогу!

Что делать, что делать? Я снова отскочила от злополучной стены, пересекла комнату, споткнулась о старое кресло и нащупала на стене выключатель.

Яркий электрический свет залил комнату, вытеснив обманчивый свет луны. При этом свете все предметы вернули свое истинное обличье, и тут же я как будто протрезвела.

Ко мне пришла первая за эту ночь здравая мысль.

Почему я сразу поверила, что там, за этой дверью, действительно труп? Ведь труп не мог так хорошо сохраниться. Он должен был сгнить, разложиться, в конце концов, превратиться в скелет!

Для начала из-за двери должно было ужасно пахнуть! А оттуда пахло только застарелой пылью и обоевым клеем.

Так, может быть, я зря впала в панику?

Я сосчитала до десяти, чтобы немного успокоиться, и снова подошла к скрытой под обоями двери.

Открыла ее пошире и шагнула вперед.

Я оказалась в тесной и пыльной кладовке – такие кладовки

еще называли тещиной комнатой. Там был сложен какой-то хлам, но я на него не смотрела.

Прямо посреди кладовки на стуле с жесткой прямой спинкой сидела женщина в вечернем платье. Красивая, нарядная, со сверкающим ожерельем на шее... Она ничуть не была похожа на полусгнивший труп и уж тем более на скелет.

Я протерла глаза. Я потрясла головой. Я подергала себя за уши – говорят, такое помогает прийти в себя.

Конечно, это был не труп и не скелет. И уж тем более не живая женщина. Это был самый обычный манекен. Из тех, которые сидят в витринах магазинов одежды.

И платье на ней было только на первый взгляд приличное – хоть и длинное, оно было сшито на живую нитку из дешевой обивочной ткани. Только при лунном свете его можно было принять за роскошное вечернее платье.

Но на шее у манекена действительно было кольцо. Или ожерелье – не знаю, чем одно отличается от другого.

Ожерелье было красивое – несколько крупных голубых искрящихся камней, обрамленных в золото, и в центре – особенно красивый, овальный, очень большой...

Неужели это сапфиры?

Никогда в жизни я не видела настоящих драгоценных камней и совершенно не разбиралась в них, но эти камни были очень красивые и так сверкали...

В кладовке было полутемно, свет от лампочки в комнате почти не попадал внутрь, я нашла свой телефон, который

валялся у дивана, и тщательно разглядела свою находку.

Тот, кто посадил манекен на стул, постарался придать ему свободную позу. Одна рука была откинута в сторону, как будто женщина на что-то показывала, ног под платьем не было видно.

Платье, как я уже говорила, было из дешевой обивочной материи, но не разорвалось, потому что ткань синтетическая. Цвет теперь выглядел непонятным, похоже, что серый, наверное, от грязи, от многолетней слежавшейся пыли.

Вот грязи и пыли в этой кладовке было навалом. Собственно, кроме стула и манекена, там больше не было ничего. Ну пара рулонов старых обоев, банка с засохшей краской, то, что осталось от ремонта (только похоже, что ремонт этот был лет сто назад).

С потолка свисали клочья пыли, в углу была порванная коробка с обойным клеем, и он почему-то очень противно пахнул.

На голове манекена пыль лежала тонким слоем. Я сдуру дунула и тут же расчихалась до того сильно, что с манекена свалился парик. Ну да, естественно, это был парик.

Но... волосы изначально были длинные и уложены в прическу явно непрофессионально, просто в узел, и шпильки вставлены кое-как. И... похоже, что волосы человеческие.

Парик выпал у меня из рук. С другой стороны, когда не было искусственных волос, парики делали из натуральных.

Теперь я смогла разглядеть лицо манекена, оно было рас-

крашено очень неумело – глаза и губы... да это же обычная помада! Только пыли налипло на нее очень много.

Я нашла тряпку и стерла пыль с лица манекена.

И при этом лицо это удивительно преобразилось.

Теперь это было точно такое же лицо, как то, что я только что видела во сне.

Зеленые кошачьи глаза, карминные губы, сложенные в странную, дразнящую и в то же время умоляющую улыбку. Улыбку, в которой было что-то от капризного и обиженного ребенка и в то же время от взрослой, умудренной женщины.

И эта женщина смотрела прямо мне в душу, как будто знала обо мне что-то важное, что-то, чего я сама о себе не знала.

Что за чертовщина? Откуда взялся тут манекен, да еще такой необычный? Просто какая-то инсталляция в кладовке!

И кто все это устроил? У Витьки не спросишь, он не появится месяца три. Да, может, он и сам не знает, сто не сто, но лет сорок эта кладовка точно была закрыта. Судя по состоянию обоев с жуткими лилиями...

И я-то что тут делаю?

Я вышла из кладовки и плотно закрыла дверь. И даже фотографию повесила на место. Кстати, на ней вовсе не было красивой женщины из моего сна, там был младенец, лысый и голопопый.

Кое-как устроившись на жестком диване, я постаралась уснуть. Но не тут-то было.

Стальная рука, сжимавшая горло, не дававшая мне ды-

шать, убралась восвояси, но сон все равно не шел. И я стала думать, как же дошла я до жизни такой, что, кроме этой жуткой квартиры, нет у меня места, где можно жить.

Как я уже говорила, жили мы вдвоем с мамой до тех пор, пока я не окончила школу.

После выпускного вечера, когда у меня зажили раны на лбу (про Митьку Шанежкина и зеркало я уже говорила), мама сказала, что она хочет меня кое с кем познакомить. При этом глаза у нее так блестели, что я сразу все поняла.

Мы встретились в небольшом кафе возле нашего дома. Этот кое-кто оказался маминим сослуживцем, то есть, конечно, бывшим сослуживцем, теперь он работал в другом месте. Звали его Федор Иванович, просто и незамысловато.

Они уже все решили и меня поставили перед фактом. Оказывается, симпатия, как удачно выразился Федор Иванович, была у них с мамой уже давно, и он решился сказать ей, открыться, только когда собрался увольняться. Он совершенно правильно догадался, что служебный роман не для моей мамы.

Это верно, никогда я не замечала за ней ничего подобного. Не звонили по телефону мужчины, не приносила она никаких подарков, ни разу не замечала я, что она особенно прихорашивается перед зеркалом.

Забыла сказать, что мама была женщиной привлекательной, но вела себя всегда очень сдержанно.

А тут... у нее так блестели глаза, она так смеялась, что я тоже улыбнулась.

Федор Иванович был крупный, шумный, не говорил, а гудел, ходил вперевалку и очень похож был на медведя. Не худого и голодного, которого разбудили зимой и выгнали из берлоги, а сытого и доброго, в общем, медведя из сказки.

Они очень скоро расписались в районном загсе, с его стороны был свидетелем старик-сосед, а с маминой – немолодая бухгалтерша с ее работы. Ну и я.

У Федора Ивановича был взрослый сын от первого брака, он имел уже жену и ребенка, но на свадьбу его не позвали. Я не спрашивала почему. Мне какое дело.

Потом встал вопрос с жильем. Федор Иванович сразу сказал мне при знакомстве, что есть у него жилплощадь – квартира покойной матери, где он живет один. Я думала, что мама переедет к нему, но она сказала, что не хочет оставлять меня одну, пока я не смогу себя содержать.

Ее новый муж согласился – места хватит.

И правда, квартира оказалась хоть и двухкомнатная, но интересной планировки. Две большие комнаты и очень большая прихожая, где стояли диван и телевизор, так что вроде бы она и гостиная.

Скажу сразу, Федор Иванович оказался вполне приличным дядькой. Он не лез ко мне с советами и нравоучениями, не ворчал, не запрещал переставлять мебель, вообще ни разу не сказал, что я живу в его квартире, говорил – в нашей.

С мамой они жили душа в душу, я к ним старалась не лезть. У меня были свои заботы – я училась.

Денег, как понимаете, у нас с мамой было немного, так что выбирать какой-то престижный вуз не было смысла. Училась я, если честно, не то чтобы на тройки, но без фанатизма. Не было у меня никаких особенных талантов и стремлений. Правда, окончила в свое время музыкальную школу.

Мне нравилось, но продолжать дальше после восьмого класса не захотела, и педагоги не советовали, сказали, что ничего особенного из меня выйти не может.

Выбрали холодильный институт, мне было все равно, но он хоть был близко к дому, а Федор Иванович обещал потом помочь с работой.

Прошел год, и они решили покупать дачу. Федор Иванович вообще любил природу, рыбалку и все такое. Иногда ездил с друзьями, но потом перестал, хоть мама его и отпускала.

Он говорил, что ему там скучно без нее, и ведь не врал, видно было, что он очень к ней привязан.

Тогда и возник вопрос о покупке дачи. Мама решила, что так всем будет лучше: они будут вместе на свежем воздухе.

«А когда Милка замуж выйдет, будет куда внуков отправлять!» – добавлял Федор Иванович.

Хороший был человек, добрый.

Мама продала нашу квартиру, они купили большой участок с недостроенным домом. Что-то случилось с владель-

цами, не то они уехали, не то развелись, в общем, дачу они продавали. И просили не так чтобы дорого, учитывая место – Карельский перешеек, озеро рядом и лес сосновый, чистый.

На этой даче все и случилось.

«Стоп! Не думать об этом! – приказала я себе. – Иначе снова начнется спазм».

Я встала с осточертевшего дивана и подошла к окну. На улице занимался тусклый рассвет, значит, уже не рано. Ну да, на телефоне уже десятый час. Я кое-как сполоснулась в раковине и ощутила чувство зверского голода.

Когда я ела в последний раз? Вчера утром, потому что обедать не стала. Больничный обед – это что-то особенное, хуже него только ужин. Потому что на завтрак все-таки дают кашу и кусок булки, а это съесть можно.

В общем, от обеда я отказалась в надежде поесть дома. То есть не дома, а... дома у меня нет уже давно.

Ладно, сейчас нужно срочно поесть. Плотно и калорийно. Все остальное – потом.

Как вы уже догадались, в этой квартире не было не то что еды, а даже посуды. Так что я решила выйти и позавтракать в ближайшем кафе. Пусть на последние деньги, но я должна поесть.

Я вышла из дома, предварительно заперев дверь на все замки. Странно, что дверь в этой квартире была новая и замки хорошие. Говорила Танька, что брат ее собирается ремонт делать, начал он, видно, с двери, да на том и закончил.

На этот раз я вышла через двор на другую улицу, а там были и магазины, и парочка небольших кафе да еще пиццерия. Я выбрала сетевое, довольно большое кафе в надежде, что на завтрак там будут скидки. И не ошиблась.

Народу в кафе было пока немного, в основном люди работающие, которые кофе быстренько выпьют и бегут по делам. Или с собой возьмут, некогда им с завтраком расслаживаться.

Официантка сказала, что завтраки со скидкой есть, но только большие – омлет из трех яиц, сосиски, овощи, соус.

– Давайте! – решительно сказала я. – А пока – кофе в самой большой кружке.

Пока готовили завтрак, я проверила звонки на телефоне. От Толика ничего не было. Что ж, не сказать, что я такого ожидала, но нисколько не удивилась.

Когда принесли огромную тарелку, мужчина за соседним столиком невольно присвистнул.

– Ну вы, девушка, и жрать! – тихонько сказал он.

– Отвали! – тоже вполголоса миролюбиво посоветовала я.

Он понял и отвернулся, а я принялась за еду. Через некоторое время я решила устроить небольшой перерыв. Народу в кафе потихоньку прибавлялось, мужчина за соседним столиком ушел, никто не обращал на меня внимания, и снова набежали воспоминания. Теперь я была сытая и спокойная, так что вполне могла их себе позволить. В обморок тут в зале не упаду и задыхаться не стану.

Итак, было лето, я только что сдала экзамены и предвку-

шала каникулы. Мама с мужем звали меня на дачу на выходные, но в самый последний момент я подвернула ногу, споткнувшись буквально на ровном месте. Лодыжка распухла, тот же Федор Иванович отвез меня в травмпункт, там сказали, что ничего страшного, наложили тугую повязку и велели ногу поберечь.

Так что о поездке на дачу не было и речи. И они уехали вдвоем на все выходные.

А утром в воскресенье, когда я спала, позвонил в дверь тот самый сосед, Викентий Петрович, который был на свадьбе свидетелем со стороны Федора Ивановича, и сказал, что я трубку не беру, так позвонили ему, потому что на даче случилось несчастье, был пожар и...

– И что? – спросила я хриплым со сна голосом.

– Кажется, все плохо, нужно ехать...

Он вызвал машину, пока его жена помогала мне собраться. Да, вот еще что, женой его была та самая немолодая бухгалтерша с маминой работы. Они познакомились на свадьбе, стали встречаться и поженились, сами над собой подсмеиваясь – мол, как молодые прямо...

На даче был полный кошмар. От дома мало что осталось, и только там я узнала, что мама и Федор Иванович сгорели в доме. Не то спали крепко, не то дверь заклинило и они не успели выскочить – никто так и не узнал.

Насчет пожара было проведено расследование, и тоже ничего толком не выяснили. Не то проводка была временная,

не то взорвался газовый баллон.

Но это было потом, а тогда, когда я пробормотала, что должна была ехать с ними, но не смогла, толстый пожарный пробасил:

– Ну, девушка, считайте, что вам повезло.

Повезло? Мне – повезло?

И я начала хохотать, постепенно хохот перешел в истерику, я смеялась и не могла остановиться, потом упала на обгорелую землю, и Викентий Петрович вызвал скорую. Точнее, меня забрала та самая машина скорой помощи, которая приехала по вызову пожарных.

Врач сказал, что в сгоревшем доме ему нечего делать, пускай сразу вызывают труповозку, а меня они прихватили и отвезли в обычную больницу. А там уже обкололи лекарствами, и когда я проснулась через сутки, то случившийся в соседней палате психиатр, вызванный к старухе в маразме, осмотрел заодно и меня.

Когда я начала отвечать на его вопросы по поводу случившегося, тут-то и настиг меня спазм. Горло сжало стальной петлей, я начала задыхаться и почувствовала, что умираю. Доктор сделал укол и выписал рецепт на таблетки, но сказал, что лучше к ним не привыкать, а постараться самой справиться. В случае если начнется очередной спазм, нужно сменить позу, встать, походить по комнате. Выпить горячего чаю, поесть.

Тогда я плохо его слушала, была сонная и равнодушная,

его советы вспомнила потом.

Их похоронили вдвоем, естественно, в закрытых гробах. Всем занимались люди с маминой работы, помогли соседи.

Было лето, каникулы, так что в институте никто не узнал. Как-то не было у меня близких друзей ни в школе, ни в институте.

Два месяца я провела в квартире, ни с кем не общаясь. Соседка Тамара Михайловна приходила изредка, приносила готовую еду, пыталась меня расшевелить.

Потом кончились таблетки, и, когда я пошла в поликлинику, участковый врач сказала, что она не может продлить рецепт, для этого нужно идти в психдиспансер и вставать там на учет. И спросила, уверена ли я, что мне это нужно?

Выйдя из кабинета, я поняла, что мне это не нужно. Как ни странно, после прекращения приема таблеток мне стало лучше. Я обрела ясность мысли, ушла сонливость, голова перестала быть тяжелой и гудеть, как треснутый колокол.

Я вспомнила наставления врача и пыталась справиться со спазмом с помощью движения и дыхания. Со временем стало получаться.

К осени встал вопрос о деньгах.

До этого я просто тратила деньги с маминой карточки, я знала код. Однако счет у мамы был небольшой, так что следовало оставить кое-что на черный день.

Я ушла из института и нашла работу – секретарем в одной небольшой торговой фирме. Денег платили мало, но на

скромную жизнь хватит, решила я.

На работе никто не знал о моих семейных проблемах, я не рассказывала, так мне было легче.

Жизнь протекала неторопливо и скучно. Сотрудники со мной мало общались, исключительно по делу. Я и сама не стремилась как-то сойтись с людьми.

«Время лечит, – говорила соседка Тамара Михайловна, изредка заходя меня проведать, – ты молодая, будет у тебя новая жизнь...»

И только я начала было оживать и даже купила к Новому году новое платье, как жизнь снова доказала мне, что единственное, чего у меня в избытке, – это мое потрясающее, феноменальное невезение.

Не прошло и полгода с маминой смерти, как в моей жизни появился Борюсик. То есть не в жизни, а в квартире. И не в моей, а в квартире Федора Ивановича, ныне покойного.

Началось все с письма нотариуса, которое передала мне та же соседка. Я вечно забывала проверить ящик, потому что не ждала ни от кого писем, а рекламу просто выбрасывала, не читая.

Так что соседка подсуежилась и вытащила письмо из ящика сама.

В этом письме было написано, что я должна явиться такого-то числа к такому-то времени к нотариусу... – вот фамилию его я забыла, не то Дудукин, не то Зюзюкин, но это

совершенно не важно – по поводу наследственного дела.

Я недоуменно пожала плечами, а соседка забеспокоилась. Призвала Викентия Петровича, и они хором растолковали мне, что, очевидно, все дело в квартире.

По их совету я взяла в нашей жилконторе справку о прописке, паспорт, свидетельство о смерти мамы, и в назначенный день отправилась к нотариусу.

В приемной сидели двое: женщина под шестьдесят с узкими, неприязненно поджатыми губами в красной помаде и с колючим взглядом стального цвета глаз, и рядом с ней прилежал мужчина, очень на нее похожий: те же узкие губы, только без жуткой ярко-красной помады, тот же колючий неприязненный взгляд, только у нее на голове топорщилась «химия», а у него была обширная лысина, которая начиналась со лба и плавно переходила в затылок.

Мужчина был вроде бы молодой, но какой-то старообразный. Ясно было, что это мать и сын.

Она сидела прямо, не поворачивая головы, он все время ерзал на скрипучем стуле. Когда у него зазвонил мобильник, он вскочил было и направился в коридор, но был остановлен на полпути командным окриком матери:

– Борюсик!

Голос звучал как хлыст, так приказывают собаке:

– Сидеть!

Борюсик послушно сел. И вскоре из динамика прозвучала фамилия Федора Ивановича, и мы трое вошли в кабинет.

Нотариус был мужчина крупный, широкоплечий, представительный, одетый в дорогой костюм, который едва застегивался на нем.

Оказалось, что у Федора Ивановича было завещание, в котором он все оставлял моей маме. Но поскольку, как объяснил нотариус, ваша мать погибла вместе с ним и не успела вступить в права наследства, то вам, то есть мне, ничего не причитается. А квартира достается прямому наследнику, то есть родному сыну, вот этому вот Борюсику.

Я, конечно, была в шоке, но больше всего поразила Борюсику. Вот этот вот – родной сын Федора Ивановича? Замечательного доброго дядьки, говорившего ласковым басом, певшего песни в ванной, так что мама смеялась и стучала в двери – дескать, соседи будут жаловаться, что музыку слишком громко включаем.

Я опомнилась, когда осознала, что все давно уже молчат и смотрят на меня.

– Но... – пробормотала я, – а мне где жить?

– Это нас не касается, – прошипела мамаша Борюсика, то есть бывшая жена Федора Ивановича (ужас какой, как он мог на ней жениться!), – так что выметайся из квартиры в двадцать четыре часа.

Тут вклинился нотариус и сказал, что поскольку я в той квартире прописана, то имею полное право там жить. Другое дело, что жилплощадь мне не принадлежит, но пока я не выписалась, то нечего ставить условия и сроки.

При этом он смотрел только на Борюсика, так что тот потупился и пробормотал что-то насчет документов.

На том мы расстались, причем нотариус нарочно задержал эту парочку, чтобы я спокойно ушла.

Дома томилась Тамара Михайловна, она выслушала мой рассказ и покачала головой. Потом сказала, что все, конечно, плохо, но не совсем, потому что если некуда меня выписать, то я могу жить в этой квартире сколько нужно, уж как-нибудь можно договориться.

На что ее муж только хмыкнул и сказал, что если сыночек пошел в мамашу, то это будет невозможно. Борюсика-то он не знал, а про жену бывшую от Федора наслышан достаточно, он от нее сбежал в чем есть, даже вещей ему не отдала.

Вскоре выяснилось, что сосед был прав.

От дальнейших воспоминаний меня отвлек звонок телефона. Звонила некая Евгения Васильевна, директриса детского садика, что находился во дворе дома с той самой квартирой, откуда Борюсик меня благополучно выжил. Но об этом после.

Я не удивилась этому звонку, потому что еще при маме подрабатывала в садике музыкальным работником. То есть обычно просто аккомпаниатором.

Говорила уже, что окончила музыкальную школу, так что играть на детсадовском пианино немудреные детские песенки было мне вполне по силам.

Садик был частный, директриса устраивала праздники, как она сама выражалась, «на высшем уровне», платила сразу, хоть и немного, но тогда я была студенткой, любые деньги годились.

Давно я там не была, не до того было, да и адрес поменяла.

Евгения Васильевна спрашивала, не смогу ли я заменить заболевшую аккомпаниаторшу, потому что у них праздник на носу, а Мария одна не справится. Мария – это музработник, кроме этого, еще режиссер всех праздников, дирижер хора и постановщик танцев.

Приходить нужно было прямо сейчас, чтобы застать Марию, а то она потом уйдет.

Я прикинула, что никакая работа мне сейчас не помешает, и согласилась.

Мария – женщина хорошая, невредная, но по ее изменившемуся лицу я поняла, что выгляжу не лучшим образом. Она ничего не спросила, я сама сказала, что недавно из больницы выписалась.

Да... только вчера, а кажется, что очень давно...

Мария усадила меня за рояль, наскоро объяснила сценарий будущего праздника, дала ноты и убежала. А я проиграла все песенки, отметила места, где нужно остановиться, где играть потише, а где, наоборот, громко, бравурно, и решила, что справлюсь.

Праздник завтра, значит, нужно привести себя в порядок,

а то директриса выскажет мне потом все, что думает.

Я еще раз пробежалась пальцами по клавишам.

В это время в комнату заглянула нянечка тетя Валя и проговорила простуженным голосом:

– Людмила, вас Евгения Васильевна просит срочно к ней зайти!

Я вздохнула, встала и отправилась в кабинет директора.

Такой срочный вызов не сулил ничего хорошего. Евгения, наша директриса, вызывала сотрудников к себе в кабинет только для выволочки. Кроме того, тетя Валя очень чутко улавливала настроение директрисы, и, если это настроение было скверное, называла того, кого звали на ковер, полным именем и на «вы».

С другой стороны, мне-то чего бояться? Ну не даст она мне работы, так и ладно, не больно-то и хотелось.

Короче, я зашла в директорский кабинет.

Евгения сидела за большим письменным столом, под портретом Чайковского, и разговаривала по телефону.

Этот стол явно был слишком велик для директора маленького детского садика, и все сотрудники считали, что Евгения купила его исключительно для повышения своего статуса в глазах персонала и клиентов, как она называла родителей наших воспитанников.

Вообще, в этой директрисе было что-то от прежних, советских еще времен, хотя по возрасту она застала их еще совсем ребенком. Но, наверное, не зря говорят, что детские

впечатления – самые сильные... Это мама так сказала, она с ней во дворе сталкивалась и в садик приходила, чтобы послушать, как я играю.

Стоп! Не думать о маме! Не хватало еще начать задыхаться при директрисе.

Итак, Евгения с кем-то разговаривала по телефону, и по ее интонациям, и даже по тембру голоса, сладкому, как кленовый сироп, можно было понять, что она откровенно заискивает перед своим собеседником, точнее – собеседницей.

– Да, Виктория Игоревна... конечно, Виктория Игоревна... непременно, Виктория Игоревна... да, я к вам подошла человека... да-да, я все поняла... прямо сейчас...

Она закончила разговор, положила трубку, подняла на меня взгляд и проговорила совсем другим голосом, в котором сладости нисколько не осталось:

– Людмила, сейчас поедешь к нашей клиентке... очень важной клиентке. У нее есть какие-то ноты. Выберешь там то, что представляет интерес, и привезешь.

– Ноты? – переспросила я удивленно. – Какие ноты?

– Откуда я знаю какие! – фыркнула Евгения. – Ты ведь умеешь читать ноты. У тебя вроде музыкальное образование.

С этим я спорить не стала, хотя директриса прекрасно знала, что я всего лишь окончила музыкальную школу. Но это давало ей возможность платить мне меньше, чем положено.

Ага, можно подумать, что к ним в садик пойдет человек с консерваторским образованием! Раз дощечка, два дощечка

– будет лесенка и так далее...

– В общем, поезжай, сделаешь там, что скажут. И помни, что это очень важная клиентка, – строго сказала директриса.

С этими словами она протянула мне листок с напечатанным адресом и опустила глаза, давая понять, что разговор окончен.

Я вышла из ее кабинета в полном недоумении.

Что за странное поручение?

Почему нужно разбирать какие-то ноты?

Впрочем, приказы начальства не обсуждаются. Если я откажусь, она мне работу не даст. Марию подводить неудобно, и денег совсем нету, последние в кафе отдала. А так завтра заплатят, да еще и накормят вкусно, у них всегда на праздник хорошо готовят.

Дом, куда направила меня Евгения, был старый, дореволюционной постройки, недавно отремонтированный и очень красивый – с колоннами по фасаду и двумя статуями по бокам от входа. От самого этого дома исходил аромат больших денег.

В подъезде сидел охранник, или консьерж, – уж не знаю, как его здесь называют. Это был дядька средних лет, в черной униформе, с лицом, преисполненным собственного достоинства.

Он спросил меня, к кому я иду, я назвала фамилию клиентки, он позвонил по телефону и важно сообщил, что меня

ожидают.

Я поднялась на третий этаж пешком, чтобы рассмотреть лестницу, где на площадках были цветы и статуи.

Меня действительно ждали, дверь квартиры была слегка приоткрыта, и в дверях стояла молодая, ухоженная женщина с милостивым, округлым лицом.

– Меня прислала Евгения Васильевна! – сообщила я поспешно.

– Да-да, пойдёмте! – хозяйка развернулась и пошла по длинному коридору, выдержанному в холодных голубовато-серых тонах, при этом она говорила озабоченным голосом:

– Понимаете, я бы не стала ничего делать, но мой муж... его покойная бабушка... она очень любила музыку и играла на пианино... и у нее было много старых нот. Я бы их просто выбросила, зачем хранить старый хлам, но муж... он отчего-то вбил себе в голову, что они, эти ноты, что-то из себя представляют. Что их нельзя просто так выбросить, что хотя бы часть нужно сохранить. Хотя бы в память о бабушке. Ну вот я и позвонила Евгении... Васильевне.

Мы подошли к очередной двери, хозяйка открыла ее и протянула руку приглашающим жестом:

– Вот, это здесь...

Комната, куда я вошла, разительно отличалась от остальной квартиры.

Все остальное, что я успела увидеть, было современное,

в сдержанных тонах, ничего лишнего, сплошь стекло и металл, здесь же всюду были вышитые салфеточки, подушечки, коврики, старые кресла с потертой обивкой.

Хозяйка перехватила мой взгляд и проговорила с некоторым смущением:

– Вот в этой комнате она и жила, бабушка мужа. И все здесь было устроено по ее вкусу. Я ей предлагала сделать приличный ремонт, заменить мебель, но она не соглашалась, ей так было уютнее. Ну сейчас, конечно, мы все переделаем, но вот муж настаивает, чтобы я куда-то пристроила бабушкины ноты...

Я слушала ее вполуха и оглядывалась.

Да, все здесь было такое старое и вместе с тем такое уютное: туалетный столик с зеркалом, на этом столике были расставлены флакончики и баночки, и еще несколько фарфоровых слоников.

А потом я обернулась...

И увидела картину.

Портрет женщины.

И у меня перехватило дыхание.

Строгое, красивое лицо, высокая прическа.

Длинное вечернее платье из жесткой, чуть отсвечивающей серебристой ткани, а на шее...

Ожерелье из голубоватых камней. В центре – самый крупный, овальный камень.

Скорее всего, сапфиры.

В общем, женщина на портрете была удивительно похожа на манекен, который я нашла в потайной комнате.

Только лицо, конечно, не такое, но было ясно, что тот, кто усадил манекен в кладовке, видел этот портрет и как мог постарался, чтобы было похоже.

На какое-то время я лишилась дара речи.

Не только речи – я ничего не слышала и ничего не видела, кроме этого портрета.

Наконец до меня дошли слова хозяйки:

– В общем, посмотрите, что здесь может пригодиться.

Я с трудом отвела глаза от портрета и посмотрела на хозяйку.

Она стояла перед деревянной этажеркой, где были большой стопкой сложены ноты. Старые, пыльные, сильно потрепанные, в пожелтевших переплетах.

– Ну вы уж тут разберетесь самостоятельно! – проговорила она и вышла из комнаты.

А я снова уставилась на портрет.

Он просто притягивал мой взгляд.

Кто эта женщина?

И почему она так похожа на тот манекен, спрятанный в тайнике в моей комнате?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.